

емолодой худощавый мужчина быстро шел по пустынной улице.

Поздняя осень уже опускала на город ранние тусклые сумерки, скрывая и затушевывая мрачные здания из темно-красного кирпича, бывшие заводские корпуса и доходные дома. Трудно было представить, что где-то близко по оживленным улицам струится нарядная толпа, люди возвращаются с работы, спешат в гости, в кино, в театр.

На этой улице не было ни души.

Ни души?

Нет, позади, совсем близко, мужчина слышал приближающиеся, неотвратно догоняющие его шаги. Он пошел быстрее — но преследователь не отставал.

Мужчина резко остановился, оглянулся и увидел в густой тени возле стены дома сутулую фигуру. Опущенный капюшон скрывал лицо преследователя, только бледные глаза светились в темноте, как два тусклых огня. Преследователь не торопился, видимо, охота доставляла ему удовольствие, и он понимал, что она подходит к концу.

Мужчина развернулся и пошел быстрее, но преследователь тоже прибавил шагу. Стало трудно

дышать, сердце колело, мучительно, неровно бухало в груди. Еще две-три минуты, и преследователь догонит его, и тогда... тогда... тогда все будет кончено.

Впереди, совсем близко, из сгущающихся сумерек выплыло пятно яркого света — вывеска какой-то дешевой забегаловки. Светящаяся вывеска не оставляла никаких сомнений — «Рюмочная», только первая буква то и дело гасла и снова загоралась.

Мужчина пошел еще быстрее, едва не перешел на бег, рванул дверную ручку и вошел в тепло и свет.

Прежде он ни за что не зашел бы в такое заведение — заурядная рюмочная, вполне под стать этому мрачному, неприветливому району. Здесь можно было выпить дешевой водки и закусить ее самой немудрящей закуской. Само это заведение и все здешние завсегдатаи словно перенеслись сюда на машине времени из эпохи застоя, а то и из куда более ранних времен — казалось, за соседним столиком можно увидеть пьяненького Мармеладова, мрачного Родиона Раскольников или еще кого-нибудь из героев Достоевского.

За стойкой возвышалась огромная буфетчица с густо накрашенным лицом, похожая на языческого идола.

Худошавый мужчина взял у нее рюмку водки, тарелку с жирной селедкой и отварной картошкой, щедро посыпанной укропом, сел за свободный столик возле окна.

Тут же к его столику подошел обрюзгший человек с трехдневной щетиной, уставился слезящимся заискивающим взглядом бездомной собаки и проговорил:

— Простите великодушно, мы с вами прежде не встречались? Вы раньше не работали в НИИ токов особенно высокой частоты? Может, угостите бывшего сослуживца?

Мужчина ничего не ответил, он только поднял глаза на «сослуживца» — но тот побледнел и тут же ретировался, пробормотав что-то испуганное и невнятное.

Мужчина опрокинул водку в рот, не почувствовав вкуса, ткнул вилку в закуску, но прежде чем закусить, выглянул в окно.

И там, по другую сторону стекла, увидел бледные глаза, пристально и безжалостно глядящие на него из-под низко опущенного капюшона. Глаза охотника.

Есть сразу расхотелось. Сердце мучительно закололо, воздух стал тяжелым и вязким.

Он давно уже понял, что конец близок, и только оттягивал неизбежное, пытаясь выторговать у судьбы еще несколько жалких минут.

Может быть, прекратить эту бесполезную борьбу? Сдаться? Опустить руки?

Смерть казалась выходом, облегчением.

Но нет, он не мог. У него было важное дело, более важное, чем сама его жизнь.

Мужчина быстро огляделся и увидел позади стойки неплотно прикрытую дверь с лаконичной

табличкой «Вход воспрещен». Он быстро встал, проскользнул мимо стойки, рванул эту дверь.

Буфетчица развернулась к нему, открыла огромный малиновый рот, собравшись что-то заорать, но он уже захлопнул за собой дверь, пробежал по темному коридору, толкнулся в следующую дверь — и снова оказался на улице.

Совсем на другой улице.

Здесь горели фонари, шли по своим делам люди, и совсем рядом, в десятке шагов, виднелся вход в метро.

Мужчина перевел дыхание, но расслабляться было некогда.

Он скатился по ступенькам, подошел к турникету, стараясь не бежать, чтобы не вызвать подозрение дежурных, прошел через турникет и шагнул на эскалатор.

И не удержался — обернулся в последний момент.

Увидел возле самого турникета сутулую фигуру, опущенный капюшон, тускло горящие под ним бледные глаза...

Сердце снова мучительно защемило.

Мужчина пошел вниз по эскалатору, стараясь не бежать, но не удержался, перешел на бег. Из динамиков раздался недовольный голос дежурной:

— Не бегите по эскалатору! Мужчина, я вам говорю — не бегите по эскалатору!

Мужчина перешел на шаг.

Он старался взять себя в руки, старался успокоиться, выровнять дыхание — но он чувствовал

спиной пристальный, тяжелый взгляд преследователя — и не выдержал, обернулся.

И сразу увидел позади, среди людей на эскалаторе тускло горящие под опущенным капюшоном бледные глаза.

И не выдержал — снова побежал.

— Мужчина! — снова завелась дежурная. — Мужчина, не бегите, я же вам говорю!

Но он не слушал ее.

К счастью, эскалатор кончился, он выбежал на платформу как раз в тот момент, когда к ней с лязгом и грохотом подъехал поезд.

Двери разбегались, почти никто не вышел, и мужчина с трудом втиснулся в набитый вагон. При этом он наступил на ногу какой-то толстой тетке, та зашипела, как раскаленная сковорода, разинула рот, чтобы высказать все, что о нем думает, но, столкнувшись с его отчаянным, опустошенным взглядом, испуганно замолчала, протиснулась подальше — от греха.

А мужчина выглянул в окно и увидел, как человек в опущенном на глаза капюшоне подбежал к двери вагона и успел в последний момент протиснуться между сдвигающимися створками.

Сердце снова защемило, как будто это его сдавили створки вагонных дверей.

Поезд тронулся.

Мужчина приподнялся на цыпочки и увидел, как человек в опущенном на лицо капюшоне протискивается сквозь плотно сдавленную человеческую массу.

Еще немного, еще совсем немного — и он будет рядом.

И тогда...

Нет, он должен сделать еще одно дело.

Он не может допустить, чтобы это досталось тому человеку. Не может, чего бы это ни стоило.

Мужчина огляделся по сторонам.

Рядом с ним стояла ухоженная, хорошо одетая молодая женщина. Такие, как она, редко попадаются в метро, особенно в час пик. Обычно такие женщины ездят на собственных машинах. Лицо недовольное, раздраженное, может быть, потому, что не привыкла ездить в общественном транспорте и все ее здесь нервирует. Но мужчину ее настроение сейчас ничуть не занимало. Он скосил глаза и увидел ее сумку. Хорошая, дорогая сумка фирмы Louis Vuitton. «Молния» с одного края была слегка расстегнута.

Отлично, это ему на руку.

Мужчина запустил руку во внутренний карман своего плаща, нащупал там один из свертков, осторожно достал его. Быстро, опасливо огляделся, убедился, что на него никто не смотрит, и неуловимым движением просунул сверток в сумку от Louis Vuitton.

Кажется, хозяйка сумки ничего не заметила.

Мужчина перевел дыхание — и тут же понял, что успокаиваться рано. Это только первый сверток...

Он снова огляделся.

С другой стороны стояла совсем не такая женщина. Точнее, не стояла, а висела, вцепившись

одной рукой в поручень. Тоже молодая, но видно, что устала и чем-то очень расстроена. Вроде бы симпатичная, лицо ее и сейчас было бы привлекательным, если бы не выражение привычной горечи и отсутствия надежды на лучшее. Губы ее чуть заметно шевелились, а по щекам текли слезы.

В свободной руке у нее была сумка — наверное, тоже приличной фирмы, но уже слегка поношенная, с потертым ремешком. Сумка, знававшая лучшие времена. Застегнута на кнопку, болтается сзади. Да, эта пассажирка в таком состоянии, что не заметит, если сумку вообще уведут, а не то что кое-что подложат...

Мужчина скосил глаза на соседей, убедился, что на него никто не смотрит, достал из кармана второй сверток, протянул руку и незаметно расстегнул сумку соседки.

На спине у него выступила испарина.

Что, если кто-нибудь его сейчас заметит?

Его примут за вора-карманника, хотя он ничего не собирает красть, наоборот.

Ловким движением он забросил сверток в сумку, застегнул кнопку и перевел дыхание.

Еще один пристроил.

Но успокаиваться рано.

Он снова приподнялся, вытянул шею.

Человек в капюшоне был уже совсем близко.

Нужно спешить.

Мужчина немного передвинулся. Теперь рядом с ним стояла женщина интеллигентного вида, одетая бедновато, не модно, но чисто. Лицо почти

без косметики, нервно покусывает бледные губы, морщинка на переносице. Даже в такой толчее она умудрялась читать книжку — мужчина разглядел на обложке фотографию модного писателя. На локте другой руки висела сумка, точнее — старенький, потертый кожаный портфельчик.

С этой не будет проблем.

Мужчина достал из кармана третий сверток, покосился на соседей и быстро подsunул сверток под клапан портфеля. Убедившись, что тот попал куда надо, снова огляделся.

Времени оставалось совсем мало. Его вообще почти не оставалось. Поезд уже выезжал из темноты туннеля, замелькали лица на перроне... нужно было торопиться.

Чуть в стороне, спиной к нему стояла еще одна девушка.

Одета в слишком легкую по нынешней погоде курточку и джинсы. Со спины вроде совсем молодая, но когда он осторожно заглянул сбоку, то увидел не очень свежую кожу и морщинки вокруг глаз. Волосы у девицы были покрашены в разные цвета — зеленый и розовый. В ушах — наушники плеера, и даже вместо сумки за спиной у нее болтался кожаный, далеко не новый рюкзачок.

Удачно.

Мужчина достал последний, четвертый сверток, осторожно тронул «молнию» на рюкзачке, потянул ее. Как только открылась достаточно широкая щель, втокнул в нее свой сверток, дернул «молнию» обратно, чтобы застегнуть.

И тут девица обернулась.

— Ты чего, козел, делаешь? — проговорила она неожиданно высоким, неприятным, визгливым голосом. — Ты, сволочь, в тесноте по чужим сумкам шаришь?

— Да ничего подобного... — забубнил мужчина.

— Да? — не унималась женщина. — Думаешь, если я музыку слушаю, так ничего не замечаю?

И тут поезд остановился, двери плавно разъехались, пассажиры двинулись на выход — и мужчина вместе с ними выкатился на перрон и быстро, не оглядываясь, зашагал прочь, на другую сторону, к противоположной платформе.

Он был уже там, и из жерла туннеля показался уже приближающийся поезд — как вдруг прямо перед ним возник сутулый человек в темной куртке с опущенным на лицо капюшоном. Из-под капюшона смотрели бледные, безжалостные глаза.

— Набегался? — проговорил холодный, насмешливый голос. — Тебе еще не надоело?

Мужчина попятился. Его обдало холодом.

— Все, хватит! — прозвучало из-под капюшона. — Все равно не убежишь! Тебе некуда бежать! Отдай мне это — и покончим наконец раз и навсегда.

— Ты этого никогда не получишь! — ответил мужчина и еще немного попятился.

Совсем немного.

Но он и так уже стоял на самом краю перрона и сейчас соскользнул в пустоту.

Упал на рельсы перед приближающимся поездом.

Раздались крики, истерический скрежет тормозов, но было уже слишком поздно.

Ирина стояла на перроне, изо всех сил стараясь удержать выступившие на глазах слезы. Господи, за что ей все это? Что она сделала плохого, за что жизнь так наказывает ее?

Толпа на платформе быстро росла, очевидно, поезда долго не было. Впрочем, ей все равно, она уже ничего не ждет от жизни, так что какие-то лишних пятнадцать минут?

Она быстро моргнула и помотала головой, чтобы ушли слезы. Не помогло. Тогда она крепко зажмурила глаза. И тотчас перед ней встало лицо Вадима — такое, каким оно было сегодня в суде — злое, с издевательской ухмылкой.

«Что, съела? — прошипел он злорадно. — Захотела меня на деньги развести? Ни хрена не получишь, сдохнешь от голода вместе со своим ублюдком! На вокзале будешь под каждого бомжа ложиться, нормальный мужик на тебя и не взглянет, сучка драная, а больше делать ты ничего не умеешь...»

Услышав такое, она не потеряла сознание только потому, что за сегодняшний день наслушалась про себя столько гадостей, что хватило бы на десять самых обычных женщин. И еще бы осталось. Казалось бы, ко всему уже готова, ничто не сможет ее удивить, а все равно, в висках застучало, как

будто бил огромный молот, и дышать стало почти невозможно.

Очевидно, она побледнела, потому что подскокил адвокат Вадима и дернул его за руку, стараясь увести.

Вадим отмахнулся от него, он стоял, в упор глядя на нее, ему доставляла удовольствие ее слабость, он хотел сполна насладиться ее унижением, если бы она упала сейчас в обморок, он радостно пнул бы ее ногой и ушел.

Чувствуя, что силы ее на исходе, что сейчас она сползет по стене и очутится на грязном затоптанном полу, она схватилась рукой за какую-то ручку сзади.

— Вадим Андреевич! — В голосе адвоката появились жесткие нотки, он сильно сжал локоть Вадима, так что тот поморщился.

— Ни хрена не получишь, даже и не мечтай! — повторил он с ненавистью и ушел, глянув на прощание так, что она почувствовала себя оплеванной.

Ирина слишком сильно нажала на ручку двери и буквально ввалилась, как оказалось, в комнату судьи. Судья, монументальная дама в костюме с давно устарелыми подкладными плечами, отчего ее верхняя половина казалась квадратной, подняла голову от чашки с чаем и рывкнула на Ирину, чтобы немедленно покинула служебное помещение. И этим проявила хоть какие-то человеческие качества, то есть злость за то, что отрывают от законного перерыва на еду. В зале судья Ирину просто